

Статьи

УДК 271.2-36

DOI: 10.28995/2658-4158-2019-2-11-35

Воины, мстители, мученики: агиология милитантного дискурса в современном русском православии

Алексей И. Зыгмонт

*Социологический институт Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
Санкт-Петербург, Россия, alekseizygmont@gmail.com*

Борис К. Кнорре

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, knorre@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена роли образов святых в дискурсах войны и насилия в современном русском православии, прежде всего у православных националистов, в прихрамовой среде и движениях 2012–2018 гг. Основываясь на модели «космической войны» Марка Юргенсмейера, авторы рассматривают образы святых как персонификации сакрального, выражающие те или иные смыслы в контексте символической борьбы добра со злом: святые творят сакральный космос, защищают его, очищают, жертвуют собой ради него – и их пример служит как построению нарратива, так и руководством к действию в среде милитантно настроенных верующих. Образы святых в статье делятся на четыре категории: правители-воины, правители-очистители, ревнители веры и воины-мученики. Особое внимание уделяется роли святых в легитимации реальных войн, общественных конфликтов, протестов против демонстрации «богохульных» фильмов, выставок и спектаклей или за строительство храмов. Авторы делают вывод, что личные образы являются автономным источником авторитета, фиксирующим «воинственность» в качестве содержания традиции, и что образ одного и того же святого может выступать в различных вариациях

© Зыгмонт А.И., Кнорре Б.К., 2019

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 18-01-0094 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

и легитимировать насилие в большей или меньшей степени в зависимости от характера группы, которая к нему обращается.

Ключевые слова: РПЦ, святые, насилие, война, «космическая война», Юргенсмейер, православные националисты, прихрамовая среда

Для цитирования: Зыгмонт А.И., Кнорре Б.К. Воины, мстители, мученики: агиология милитантного дискурса в современном российском православии // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. 2019. № 2. С. 11–35. DOI: 10.28995/2658-4158-2019-2-11-35

Warriors, Avengers, Martyrs: Hagiology in the Militant Discourse of Contemporary Russian Orthodoxy

Aleksei I. Zygmunt

*Sociological institute of the RAS Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
St. Petersburg, Russia, alekseizygmunt@gmail.com*

Boris K. Knorre

*National Research Institute Higher School of Economics,
Moscow, Russia, knorre@yandex.ru*

Abstract: The article considers the role that the images of the saints play in the discourses of war and violence in contemporary Russian Orthodoxy, primarily among Orthodox nationalists, parish subculture and movements of 2012–2018. Taking Mark Juergensmeyer's concept of "cosmic war", the authors examine the images of the saints as the personifications of the sacred that express certain meanings in the context of the symbolic struggle between good and evil. The saints establish the sacred cosmos, protect it, purify it, and sacrifice themselves for its sake, and their examples is used both in constructing the narrative and performing of the militant-minded believers. In the article, the images of the saints are classified into four categories: warrior-rulers, purifying rulers, protectors of faith, and soldiers martyrs. Particular attention is paid to the role of saints in legitimizing real wars, public conflicts and rallies against the demonstration of "blasphemous" films, exhibitions and performances. The authors conclude that these personifications constitute an autonomous source of authority that makes "militancy" the feature of the tradition, and that the image of a particular saint is highly variable, being able to legitimize violence to a greater or lesser extent depending on the character of a group.

Keywords: Russian Orthodox Church, saints, violence, war, "cosmic war", Juergensmeyer, Orthodox nationalists, parish milieu

For citation: Zygmunt AI., Knorre BK. Warriors, Avengers, Martyrs: Hagiology in the Militant Discourse of Contemporary Russian Orthodoxy. *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*. 2019;2:11-35. DOI: 10.28995/2658-4158-2019-2-11-35

В 2011 г. на консервативном православном сайте «Антимодерн.ру» была опубликована заметка с вопрошающим заголовком: «Может ли верующий православный христианин говорить: “Св. Николай не ударял в ланиту Ария?”» [1]. Речь идет о знаменитой пощечине, которую свт. Николай Мирликийский якобы влепил ересиарху Арию на I Вселенском соборе в Никее в 325 г. Безотносительно к самой формулировке вопроса нужно отметить, что эта пощечина – популярная, но все же легенда, поскольку образ святого – компиляция из житий двух человек, живших с разницей в два столетия, куда были замешаны чудеса еще двух других, причем никто из всех четверых на соборе не был¹. Вопрос тем не менее риторический, и читателю тут же дается ответ: «Нет, не может – так как вера в то, что Николай Угодник ударил Ария по щеке и был за это подвергнут церковному наказанию и заточению в темнице, является верой Православной Церкви». Акт насилия со стороны святого как ревностного борца за чистоту веры возводится здесь в ранг догмата и, очевидно, призван легитимировать это самое насилие в качестве содержания православной традиции.

Сделаем шаг назад: хорошо, якобы так сделал святой, но что оправдывало его действия – существовало ли формальное предписание поступать так, а не иначе? Обратимся с этим вопросом к крупнейшим и популярнейшим житиям святых, составленным свт. Димитрием Ростовским на рубеже XVII–XVIII вв., заключающим в себе, по выражению Ф.М. Достоевского, «дух русского народа»² и несомненно знакомым автору статьи. В них можно прочесть следующее: «...одушевленный, подобно пророку Илие, ревностью к Богу, он посрамил сего еретика Ария на соборе не только словом, но и делом, ударив в ланиту <...> Сам Господь наш Иисус Христос и Преподобная Его Матерь, взирая свыше на подвиг святителя Николая, одобрили его смелый поступок и похвалили его божественную ревность» [3 с. 188]. Итак, с одной стороны, есть прямая санкция от высших сил, а с другой, что важнее всего, снова ссылка на личный образец, а не на закон вроде «не убий» или «не причиняй вреда ближнему своему». Взяв благодаря уликам верный след,

¹ В X в. в житии, написанном св. Симеоном Метафрастом, были перемешаны между собой жития Николая Мирликийского (IV в.) и Николая Пинарского (VI в.); уже в XIV в. в изложении свт. Григория Паламы к нему были примешаны чудеса прп. Петра Афонского и еще одного Петра. См.: [2].

² В заметке с красноречивым заглавием «О безошибочном знании необразованным безграмотным русским народом главнейшей сущности восточного вопроса» (июль–август 1877 г.)

легко выяснить, чем занимался пророк Илия. В 2017 г. об этом говорил лидер группы «Христианское государство – Святая Русь» (ХГ) Александр Калинин: «Пророк Илья язычников на кол посадил, уничтожил, разорвал на куски!» [4]. Его выступление называется «Обращение ко всему православному миру», и непосредственно перед этими словами он заявляет об укорененности этого факта в традиции: «Православие состоит из тысяч наших святых отцов. И если мы берем и хотя бы одного святого отца вычеркиваем – к примеру, князя Владимира или Александра Невского, то мы уже не православные <...> почему мы вычеркнули для себя все, что нас заставили вычеркнуть?» [4]. Хотя с православной традицией и характерным для нее языком Калинин знаком весьма поверхностно, он все же предпочитает ссылаться на личные образцы, а не на тексты [5 с. 80–83].

Эта рекурсивная генеалогия подталкивает нас к нескольким простым выводам. Во-первых, содержание традиции во всех трех примерах сводится не к формальным предписаниям, а к персонификациям, в данном случае – к святым. Если воспользоваться метафорой из юридической сферы, религиозное сознание работает по принципу *прецедентного*, а не *нормативного* права. Очевидным образом зазор между теми или иными личными образами совпадает с различиями между религиями или течениями внутри одной религии, а институциональный контроль, например, Римско-католической церкви за почитанием святых и процедура деканонизации показывают всю важность «правильных» образцов для идентичности общины в ее позитивном и негативном аспектах [6]. Во-вторых, персонификации часто дистиллируют образ человека до одной центральной идеи; как отмечает Илья Семенов-Басин, «новые канонизации являются также средством властного утверждения в сфере вечных ценностей какой-то конкретной идеи, компенсируя отсутствие в мировом православии института авторитетных всеправославных соборов» [7 с. 186]. В рассмотренных выше случаях это *легитимация насилия*. Наконец, в-третьих: борьба между различными группами и направлениями внутри одной традиции предполагает, что каждая выстраивает свою идентичность вокруг разных или по-разному истолкованных образцов.

Предмет настоящей статьи – образы святых в контексте дискурсов насилия, милитантных картин мира и позитивного отношения к войне и ее акторам в определенном сегменте современного российского православия (конец 1980-х – наше время), сформированном кругами православных националистов

и прихрамовой средой³. В целом представление мира как поля битвы русского народа и православия со всякого рода «темными силами» – прежде всего «апостасийным Западом», – характерно сегодня и для официальных спикеров, говорящих от лица РПЦ МП: одни из них высказывались в пользу необходимости нанесения ответных ударов (как прот. Всеволод Чаплин и прот. Димитрий Смирнов), а другие создавали «виктимный» образ Церкви (прот. Владимир Вигилянский, Александр Щипков). В 2012 г. после скандала с выступлением Pussy Riot в ХХС, кроме того, оформляется идея «информационной войны» против Церкви и «защиты святынь», экстраполирующая такую картину мира на социально-политические реалии и подразумевающая активное сопротивление врагам [13–15]. В связи с этим в 2014–2018 гг. возникает целый ряд новых групп – «Божья воля», «Святая Русь», «Сорок сороков» и уже упомянутое «Христианское государство – Святая Русь», – которые также используют милитантную риторику и образность и относятся поэтому к предмету статьи наряду с теми группами и разрозненными «средами», которые появились в 1990-е и 2000-е годы.

Связанные с насилием образы, идеи и ценности включают в себе возможность для персонификаций двоякого типа – как позитивных (в данном случае это небесное воинство и святые: воины-правители, ревнители веры, мученики), так и негативных. Поскольку негативная идентификация по отношению к «врагу» давно уже стала законной темой социологии, психологии и религиоведения [16, 17], мы сосредоточимся на этом первом типе и покажем, как именно война в полноте своих проявлений – противоречий в обществе, межгосударственной войны, частного вооруженного конфликта или борьбы добра со злом – может транслироваться посредством персонифицированных образов.

Представленная в статье типология персонификаций насилия основана на модели «космической войны» Марка Юргенсмейера и его коллег [18–20]. Исследователи пишут, что картина мира религиозного человека сама по себе выглядит как война – противостояние добра и зла, или сакрального и профанного; негативный полюс при этом представлен как неблагое насилие, которое можно одолеть с помощью другого, сакрального, насилия, пропущенного через фильтры сверхъестественной санкции, религиозного символизма и снятия морали. Согласно этой модели образы святых вы-

³ В определении этих двух феноменов мы опираемся в первую очередь на публикации А. Верховского [8, 9], А. Тарабукиной [10], М. Ахметовой [11] и Е. Левкиевской [12].

ражают различные движения насилия в контексте противостояния: они защищают сакральный космос от врагов, очищают его в случае осквернения и жертвуют собой ради его восстановления. Далее мы рассмотрим около полутора десятков святых, образы которых так или иначе встраиваются в схему «космической войны» и санкционируют своим авторитетом реальную борьбу, – например, протесты против показа «богохульных» фильмов, проведения выставок и спектаклей – или оправдывают вооруженные конфликты (например, в Украине и Сирии). При этом нас интересуют не святые сами по себе, а частные случаи обращения к ним в дискурсе, когда их образы интерпретируются в пользу легитимации насилия, хотя в православной традиции их гораздо чаще интерпретируют иначе. Поэтому наша цель – не составить полное описание одного из аспектов существования ряда групп РПЦ, а скорее выяснить, как именно личные образцы встраиваются в картину мира как «космической войны» либо сами же ее и формируют.

«Убийство убийству рознь»: воины-правители

Около десяти лет назад, в 2008 г., состоялся полузабытый теперь уже конкурс «Имя России», на котором россиянам предлагалось выбрать личный образ, соответствующий идеалам страны [21]. Победил на нем Александр Невский. Образ благоверного князя, защищавшего свою страну от шведов и ливонцев, стал для православных националистов одним из ключевых для описания истории в целом и нынешнего ее этапа – в частности как борьбы Святой Руси и Запада, в которой русский православный народ вынужден отстаивать свою идентичность. На консервативных православных сайтах можно найти множество красноречивых определений ситуации, например:

Александр Невский прекрасно видел, что представители «западной цивилизации» полностью уничтожают покоренные или «присоединенные» народы либо физически, либо духовно. Монголы же в духовную, культурную жизнь Руси вмешиваться не собирались. И Александр предпочел пусть и очень непростой... политический союз, духовному и физическому рабству, которое несли германцы и католики. <...> Именно этот выбор Александра Невского и предопределил создание в будущем великой державы от Балтийского и Черного моря до Тихого океана, возвращение Крыма и Причерноморья, победы Суворова и триумф 1945 года, когда над некогда захваченным германцами Берлином свой флаг подняли солдаты из созданного на основе России Советского Союза [22].

В этой цитате примечательно несколько моментов: во-первых, именно отпор «германцам и католикам» (автор называет их «евроинтеграторами») осмысляется как отправная точка оформления космоса «Великой России», история которой прослеживается от Московской Руси через Российскую империю до СССР. «Неслучайно битва на Чудском озере с католическими еретиками показала вектор развития духовной борьбы русского государства как зарождающегося Третьего Рима, смысл которого заключался в противостоянии католическому Ветхому Риму» – пишет другой автор [23]. Образ святого здесь определяет идентичность в обоих ее измерениях по направлению от негативной («противостояния») к позитивной.

Хотя многие консервативные авторы помещают образ благоверного князя в исторический контекст, «священная история» основания сакрального космоса зачастую проецируется на актуальную политическую ситуацию, прежде всего на конфликт с США, Западной Европой и Украиной после 2014 г. Вот несколько характерных пассажей: «Вряд ли будет возможным сохранение Россией своей самостоятельности при вступлении в Евросоюз. Здесь для нас показательным примером является поступок Александра Невского» [24]; «5 апреля 1242 года Александр Невский отказался вступать в Евросоюз» [25]; «Александр Невский незримо защищает Одессу и одеситов... на юго-западных русских землях, именуемых теперь Украиной, вновь полыхает кровопролитная междоусобица, дивиденды из которой извлекают “новые крестоносцы” НАТО, сея вражду между двумя ветвями русского народа» [26]. Цитаты можно приводить и дальше, но общий смысл, как представляется, ясен.

Достаточно часто образ благоверного князя, кроме того, изымается из любых конкретных обстоятельств, будь то прошлого или будущего, и олицетворяет идею «защиты веры» с помощью насилия. В 2012 г., говоря о борьбе с богохульниками, прот. Всеволод Чаплин (бывший тогда председателем Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества) заявлял: «...злу нужно противостоять силой <...> Христианство – это не мюзикл Эндрю Ллойда Уэбера и не роман Булгакова. Христианство – это Евангелие, благоверный князь Александр Невский, святитель Филарет Московский, святой праведный Иоанн Кронштадтский, святой патриарх Тихон, анафематствовавший гонителей. С таким христианством у России есть будущее» [27]. Здесь образ Александра Невского вписывается в более общий фрейм милитантного православия, которое единственно имеет шансы на выживание в современном мире. Православный публицист Владимир Хохлев, комментируя фильм «Вечное время

Александра Невского» (2012), прямо говорит о «святотемном насилии» князя и уподобляет его монаху, который в своей келье тем же насильем сражается с бесовскими силами. Позволим себе обширную цитату:

Как мне представляется, главный вопрос фильма, да и всего образа жизни Александра Невского: может ли убивающий людей стать святым? Чтобы ответить на него, для начала представим себе инока в монастырской келье... враг не дремлет, и бесовские помыслы то и дело пробиваются в сознание подвижника <...> Чтобы избавиться от них, инок должен собрать свою волю в кулак и этим кулаком разогнать посягнувшее на его душу зло. То есть силой вытеснить зло из своего сознания и всех членов тела. Совершить насилие. Похоже, что другого пути к святости нет <...> Ратный муж Александр Невский понимает, что крепкое государство – Святую Русь – можно построить только на крепкой вере в Бога. Что противники крепкой Руси – всякие хриstopродавцы и язычники – должны быть изжиты из верующего народа, а захватчики к нему попросту не допущены. Этого не добиться «непротивлением». Только насильем [28].

Примечательно, что во всех этих высказываниях все прочие обстоятельства существования государства, такие как экономика или благосостояние подданных, выносятся за скобки в пользу собственно его основания путем борьбы с врагами: его подвиг можно описать как основание сакрального космоса Святой Руси путем изгнания из него «темных сил»; он им не правит, а созидает его и обороняет. Это же касается, например, Ивана Грозного и Сталина, о которых мы будем говорить далее и личность которых оценивается исходя из насилия и победы над врагами (в обоих случаях вполне сомнительной), а не благосостояния страны. Добавим, что приведенные выше цитаты – не аномальные, а вполне обычные нарративы, которые часто доводится слышать также из уст информантов в поле. В 2012 г. участники Чина Всенародного покаяния в с. Тайнинском, например, рассуждали:

1-й информант (муж. ок. 40): Убийство убийству рознь. Если ты идешь грабить – это одно, а если ты за Святую Русь... а Александр Невский что, не убивал?

2-й информант (муж. ок. 35): Надо бить врагов отечества.

А.З.: Значит, надо убивать?

2-й: Ну, смотри, если православных людей – надо подумать, а если нет...

Князь Дмитрий Донской по своей роли идентичен Александру Невскому, хотя и менее популярен. Основное различие между ними заключается в том, что вокруг него, как вокруг звезды, вращается планета – прп. Сергей Радонежский, а у того есть два спутника – воины-схимники Александр Пересвет и Андрей Ослябя. Иногда авторитет преподобного перекрывает собой авторитет святого князя и выходит на первый план: так, в документальном фильме «Православие в законе» зафиксировано выступление православного националиста, который заявляет, что «...первым русским фашистом⁴ на русской земле был преподобный Сергей, который благословил великих князей собраться в пучок, в веник, в фаши и идти бить врага» [29]. Глава отделения ХГ в Санкт-Петербурге Сергей Иванов также специально упоминал его боевых монахов: «У нас есть святые Пересвет и Ослябя – это святые схимники, которых отправили на бой... Эти люди погибли в бою, погибли за правое дело, и не просто погибли, а кого-то еще убивали» [30]. Кроме того, Дмитрий Донской и Александр Невский часто помещаются в один ряд, что свидетельствует о большом сходстве их смыслов. Так, православный активист и бывший лидер «Божьей воли» Дмитрий Цорионов (Энтео) говорил в своем интервью:

Если тебя ударили, оскорбили, то ты должен постараться не отвечать с Божьей помощью, Его силой, Его благодатью. Но если кто-то ударил твоего брата, твою сестру, твою Церковь, твоё Отечество, неужели мы должны стоять и смотреть? Неужели стояли святые: святой Иоанн Златоуст, Александр Невский, Дмитрий Донской? Мы – не христиане, если проходим мимо, когда видим торжество зла, видим, как избивают слабого, насилуют девушку, оскверняют святыню [31].

Парадоксальным образом воины-правители не правят страной, а лишь отвечают на внешнюю агрессию силой. Поэтому их образы привлекаются к легитимации ответного насилия как в глобальном, так и в локальном масштабе: это может быть как защита национальной идентичности, так и внутренняя борьба против «осквернителей святынь», как в этом последнем случае.

⁴ На всякий случай следует дополнительно подчеркнуть, что слово «фашизм» здесь используется в позитивном ключе самими верующими, а не режиссером и не авторами статьи.

«Мы вас, конечно, казним»:
правители-очистители

По мере отдаления от условного круга лояльных РПЦ МП авторов в сторону церковной периферии образы воинов-правителей становятся намного более радикальными. Это правило работает как в пределах одного образа, так и в пределах группы: с одной стороны, риторика вокруг Александра Невского движется, как мы видели, от созидательно-охранительной к насильственной; с другой – в один ряд с ним встают образы Ивана Грозного, Сталина и Гитлера – «святых», в почитании которых на первый план выходит мотив *очищения*. Если правители-воины защищают сакральный космос от *внешних* «темных сил», то очистители изгоняют их *изнутри*, просеивая мир через сито сакрального насилия. Идиомы «Сталина на вас нет» или «нам бы Ивана Грозного» в устах Калинина [32] определяют ситуацию как зараженность космоса темными миазмами, будь то живые враги, проникшие в стан верных, разгул кощунств или, например, повальное распространение ложных ценностей и губительных идей.

Иван Грозный – один из ключевых святых в рамках «царебожия» – учения о божественном статусе русских царей, возникшего в субкультурных православных кругах в 1990-е. Несколько позже его сторонники начали активно лоббировать канонизацию «грозного царя», а также «царского друга» Григория Распутина, почитая при этом и других царей (Петра I, Павла I, Александров I и II) [33, 34]. В 1995 г. вышла ключевая для этого движения книга – «Самодержавие духа» (автор – митр. Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев)), в которой он провел историческую ревизию фигуры правителя в целях его апологии. С одной стороны, его образ был очищен от неблагого насилия, т. е. того, которое распознается в негативных коннотациях (например, от сыноубийства), а с другой – все прочее насилие было сакрализовано посредством сообщения ему космического смысла размежевания порядка от хаоса, воссоздания-очищения сакрального космоса Святой Руси при помощи «ангельского войска» опричников. Он пишет, что «...воцарение Грозного стало переломным моментом в истории русского народа <...> Соборность народа и его державность слились воедино, воплотившись в личности Русского Православного Царя» [35 с. 200]. Что касается опричнины, то это его первейшее орудие. Ее миссия сравнивается с монашеской, а ее насилие не только оправдывается, но и представляется как необходимое:

Опричина стала в руках Царя орудием, которым он просеивал всю русскую жизнь, весь ее порядок и уклад, отделял добрые семена русской православной соборности и державности от плевел еретических мудрствований, чужебесия в нравах и забвения своего религиозного долга [35 с. 216].

В церковной субкультуре книга Снычева быстро стала настольной и в целом определила смыслы, ценности и чаяния почитания Ивана Грозного. Смысл «очищения» впоследствии стал транслироваться в большинстве посвященных ему текстов, сопровождаясь при этом более или менее садистской эстетизацией пыток и уклоном в мистику телесных страданий. Так, Леонид Симонович-Никшич, глава Союза православных хоругвеносцев (СПХ), например, писал, что царь

...как бы обращался к своим врагам: «Придите к нам и покайтесь – и мы упокоим вас!.. Мы вас, конечно, казним, и смерть ваша будет лютой, ибо страдания при жизни, страдания, принятые от карающей Царской десницы, есть очищение и искупление. Перед смертью вас исповедует священник и вы, прощенные, с отпущенными грехами, пойдете прямо на Небеса» [36].

Схожим образом пытками и казнями Ивана Грозного бравируют члены «опричных» братств, представляя их как форму божественного насилия и указывая на их катарсическую прагматику. Александр Елисеев, например, пишет, что царю было свойственно так называемое инквизиционное мышление, основанное на представлении об очищении от грехов через страдание и смерть [37]. Подобная нарочитая «брутальность» представляется нам не столько этической, сколько эстетической позицией, что демонстрируют стихотворные и прозаические тексты и интервью, например, поэта-традиционалиста Сергея Яшина: «Святой террор имеет высшую санкцию. Его исполнители только орудия в длани Господней. Он бесконечно благ для тех, на кого направлен» [38].

Почитание «благоверного правителя» или «местоблюстителя Святой Руси» Иосифа Сталина существовало на протяжении всех 2000-х годов, причем скорее у старшего поколения православных националистов. Смысловая композиция его образа схожа с таковой у Александра Невского и Ивана Грозного: во-первых, он защитил сакральный космос в момент предельной опасности, а во-вторых, произвел «чистку рядов» – своего рода экзорцизм, избавивший страну от заразы. Достаточно часто это сравнение приводится прямо: «За что, в сущности, был канонизирован... Александр Ярославович

Невский? Ему удалось... спасти русские земли от тевтонских агрессоров. Чем хуже Сталин в этом смысле? Да ничем» [39]; или: «Потому и Сталин, как наследник русских князей и царей, получил помощь под Москвой и Сталинградом от Александра Невского» [23]. В 2015 г. за канонизацию советского вождя выступал публицист Александр Проханов, объяснявший свою позицию так: «Победа в войне 1941–1945 годов считается священной. Потому что в этой войне схлестнулись адовы силы и райские силы. Адовы силы – это Гитлер и фашизм. Райские силы – это Советский Союз. А Иосиф Виссарионович же является лидером священной Христовой победы» [40]. Данная цитата прекрасно эксплицирует логику «космической войны» как проекции борьбы добра со злом на посюсторонние конфликты. Что же до «очищения», то здесь ситуация сложнее, чем с Иваном Грозным: часто пишут, что масштабы террора преувеличены, что это либеральный миф и т. д. С другой стороны, обычно о нем говорят в терминах скорее национальных и политических, чем строго религиозных – что, в общем, отражает специфику его культа:

По мере укрепления своей власти он начал восстанавливать русскость. Да, происходили репрессивные процессы, но люди видели, что расстреливали прежде всего тех, кто уничтожал русскость в 1918–1920 годах. Под репрессивный молох попали люди, которые сами же его и создавали [41].

Наиболее радикальный святой из этого ряда – Адольф Гитлер (св. Атаульф) – почитается «опричниками» – неонацистами и в одной из юрисдикций ИПЦ – «Русской катакомбной Церкви истинных православных христиан» под руководством архиеп. Амвросия фон Сиверса (псевдоним Алексея Смирнова) [42]. Хотя это предельно маргинальный случай, его все же стоит упомянуть как прецедент того, каких пределов может достигать радикализация личных образцов. Иерей Роман Бычков в статье «Иван Грозный и Адольф Гитлер» практически приравнивает этих двух правителей друг к другу и опять-таки указывает на «очистительный» характер миссии фюрера: «Гитлер, как-то и подобает посланнику Божию, главного врага опознавал в “семени змия” – христоубийственном роде жидовском, – и подвигом всей его жизни было стремление поразить нечестивую главу талмудического» [43]. Иногда приводятся и другие доказательства его святости: так, информант (муж. ок. 35) утверждал, что тот «построил православный храм в Берлине». К этому остается прибавить, что культы Гитлера и Сталина плохо сочетаются между собой, но зачастую удачно дополняют почитание Ивана Грозного.

«Освятить руку свою ударом»: ревнители веры

Образы святых этой группы используются для определения ситуации и легитимации насилия в контексте «осквернения» сакрального космоса, за которое нужно отомстить и не допустить впредь: в этом их функция совпадает с таковой у правителей-очистителей, хотя масштаб их деятельности гораздо меньше и чаще касается дел веры, чем сохранения мира. Два примера подобного рода святых – Николая Мирликийского и пророка Илию (среди прочего, покровителя ВДВ) – мы уже приводили, и далее приведем еще два других.

Первый из них стал особенно актуален в 2012 г. в связи с уже упомянутой нами идеей «информационной войны против Церкви». В связи с этим в широких церковных кругах возникает идея «защиты» веры, церкви и ее предстоятеля, которую следует осуществлять, не брезгуя и насилием. Вместе с тем среди православных в интернете давно ходила цитата из проповеди Иоанна Златоуста: «Если ты услышишь, что кто-нибудь на распутье или на площади хулит Бога, подойди, сделай ему внушение. И если нужно будет ударить его, не отказываясь, ударь его по лицу, сокруши уста, освяти руку твою ударом» [44]. До этого ее лишь многозначительно цитировали на форумах (в рубрике «Хорошие цитаты для тех, кто призывает любить всех»), но в 2012 г. она заработала в полную силу. Предлагая создать для борьбы с «кощунственными действиями против святынь» православные патрули, ею бравировал лидер нового движения «Святая Русь» Иван Отраковский [45]. Известный миссионер иг. Сергей (Рыбко), в свою очередь, составил для прихожан своего храма на Лазаревском кладбище подробную инструкцию по противодействию «кощунникам», в которой писал:

Уважаемые прихожане! В связи с участвовавшими нападениями на храмы и осквернением православных святынь прошу обращать внимание на подозрительных посетителей <...> Благословляю применять физическую силу. «Если кто-то при тебе бесчестит Царя Ангелов, освяти свою руку, ударив по нечестивым устам» (святитель Иоанн Златоуст). Мы не пацифисты и не толстовцы [46].

Другим образом ревнителя веры и сторонника жестких методов борьбы является прп. Иосиф Волоцкий – кстати, испытывавший влияние Златоуста. В своем трактате «Просветитель», настоящем компендиуме по религиозному насилию, он, например, прямо его цитирует: «...когда же увидим, что неверные и еретики хотят прельстить православных, тогда подобает не только ненавидеть их или

осуждать, но и проклинать, и наносить им раны, освящая тем свою руку» [47]. Примечательно, что его образ при этом используется в двух совершенно различных контекстах двумя православными организациями с едва ли не противоположными взглядами, что демонстрирует пластичность личных образов в целом. Первая – минский «Информационно-консультативный центр им. преп. Иосифа, игумена Волоцкого» во главе с Владимиром Мартиновичем. Несмотря на то, что эта организация не позиционирует себя как антикультовая и не призывает к насилию, а претендует на научное изучение феномена «сект» (НРД), именем преподобного, который, как говорится на сайте, «обличал ересь жидовствующих», она все же пользуется [48]. Второй пример – «опричное» и близкое к нацизму «Братство св. преп. Иосифа Волоцкого» [49]. Уже упомянутый Роман Бычков, один из самых известных авторов движения, например, пишет:

Преп. Иосиф Волоцкий... вполне по-макиавеллиевски исповедовал, что «цель оправдывает средства», не гнушался прибегать к «черному пиару» (сиречь «оклеветанию») своих идеологических оппонентов; в своем «Просветителе» разработал целую концепцию «благочестивого коварства», коя не оставалась лишь «теорией», но активно применялась Волоцким Игуменом на практике и т. п. [50].

Очевидно, что один и тот же образ может интерпретироваться по-разному и использоваться в разных целях в зависимости, собственно, от самих целей. В процессе передачи информации посредством «сарафанного радио» образы святых ужесточаются иногда случайно, так что дело доходит даже до курьезов: «Я читал про Николая Мирликийского Чудотворца, что он одного противника веры собственными руками задушил (за что его, кстати, лишили сана, но потом вернули, после того как Бог указал Священству, что на то была Его воля)» [51] (пощечина в житии святого называется «заушением», отсюда «заушил-задушил»). С другой стороны, работа с «насильственным» содержанием какого-либо образа может вестись и в обратном направлении – путем его обеления, сглаживания, помещения в контекст: в 2016 г. в относительно либеральном православном журнале «Фома» была опубликована статья, специально посвященная призывам Иоанна Златоуста «освящать руку свою ударом» [52]. В ней доказывалось, что его совет относился прежде всего к бедноте, которая вот-вот грозила восстать и снискала бы тем самым на свою шею большую беду. Логика сакрального насилия как изгнания большего насилия меньшим сохраняется, однако же, и в этой несравненно более миролюбивой интерпретации.

«Секретное оружие» русских ратей»: воины-мученики

Святые – не обязательно люди, жившие (или якобы жившие) когда-то давно. Часто культ возникает после чьей-то кончины прямо у нас на глазах, и только потом одобряется Церковью в качестве адекватно транслирующего сакральное – что, впрочем, случается далеко не всегда. Если для какого-либо контекста недостает адекватного образа святого, такой образ рано или поздно появится; после этого он выводится из этого контекста и перемещается в другие, чем-либо схожие с этим первым.

Ярким примером такого процесса является воин-мученик Евгений Родионов – 19-летний солдат, захваченный в плен и убитый в ходе Первой чеченской войны в 1996 г., согласно сложившемуся нарративу, за отказ снять нательный крестик. Почитание его как святого началось вероятнее всего с его матери, а затем распространилось среди православных националистов и военнослужащих; немалую роль в этом сыграл комитет «За нравственное возрождение Отечества» во главе с прот. Александром Шаргуновым. В 2002 г. Родионову была посвящена брошюра «Новый мученик за Христа воин Евгений», где проповеди и интервью священников дополнялись рассказом матери. В книге примечательны две вещи. С одной стороны, реальная война осуждается как профанное, неблагое насилие: «...она (мать. – А. З.) ничего не примет от тех, кто повязан кровью невинных жертв, кто развязал эту войну» [53 с. 52–53]. С другой – реальная война оказывается отражением войны космической, в которой против русского народа сражается дьявол и его слуги. Евгений Родионов

...жизнь свою положил на той войне, которая, как война против Сербии, война против России, сегодня уже соединяется с самой главной невидимой войной, никогда не прекращающейся на земле <...> Наша война – война против отца лжи, который всю власть в этом мире имеет только тогда, когда нет у нас истины [54 с. 54–56].

Вследствие такой экспликации «космической войны» образ воина-мученика становится символом оборонительной войны против полчищ врагов, которые стремятся уничтожить Россию, – а других войн, очевидно, не бывает в принципе. 27 апреля 2016 г. Изборский клуб под руководством Александра Проханова провел круглый стол «Воин Евгений Родионов как символ героизма и святости для современной России» – обратим внимание на синонимию этих

понятий [55]. Член клуба и президент фонда «Правовое государство» Евгений Тарло при этом заявлял: «...для того, чтобы мир не перевернулся и страна наша устояла, нужны не просто какие-то скрепы – нужны опоры, столбы, на которые эти скрепы крепятся. Такой опорой для нашей страны является Евгений Родионов» [56]. На праздновании 20-летия со дня гибели солдата в 2016 г. присутствовали ополченцы ЛНР и ДНР – бойцы еще одной войны, которой приписывается глубокое духовное измерение, а также члены движения «Сорок сороков», которые в 2015–2016 гг. защищали постройку храма в московском парке Торфянка.

Образ Родионова, таким образом, работает не на легитимацию войны вообще, а только на освящение конкретных военных конфликтов. Его мученичество не только служит краеугольным «каменем основания» для сакрального космоса, но и санкционирует дальнейшую насильственную борьбу. Образ воина-мученика, кроме того, часто вписывается и в любую борьбу в принципе – например, с «безнравственностью», «западными ценностями» и т. д. Шаргунов, например, в 2011 г. писал: «Значение его мученического подвига в том, что он показывает, что есть человеческое достоинство... в мире, где поругание Церкви доходит до показа на всю страну богохульного фильма, до публичного кощунства над иконами в центре Москвы и поругания человека в тотальном растрепе» [57].

Что касается войны в Новороссии, то у нее появились собственные мученики: речь идет о Мотороле (Арсении Павлове) – ополченце ДНР, убитом в 2016 г. в лифте собственного дома от заряда взрывчатки, закрепленного на его тросе. Изначально его написанная неизвестно кем икона появилась на сайте Enot Corp – частной военной и вместе с тем православной организации, принимающей участие в боях на Донбассе. Публикация сопровождалась статьей, в которой руководство РПЦ осуждалось за ересь экуменизма и обвинялось в нежелании канонизировать святых воинов, например, того же Евгения Родионова, а также говорилось следующее:

Арсений был не просто воином – он был воином Христовым, не раз доказавшим свою верность Православной Вере <...> ...ряды Православного воинства на небесах пополнились мучеником-воином Арсением Павловым, жизнь и смерть которого являются примером всем нам <...> Святой воин Арсений, моли Бога о нас! [58]

Православный публицист Егор Холмогоров в заметке «На гибель героя», посвященной гибели Моторолы, эксплицитно помещает его в пантеон милитантных святых, хотя и не объявляет его

святым прямо: «А воину Арсению – Царствие Небесное. Уверен, он уже получает на небе свое подразделение в армии Бориса и Глеба, Владимира Мономаха и Александра Невского. И у него скоро будет много работы» [59].

В обоих случаях фигура мученика санкционирует продолжение войны и месть, а никак не чистую жертвенность: в политическом мученичестве Нового времени – например, когда мучениками объявлялись А. Линкольн или Ж.-П. Марат, – за них также предлагалось мстить [60–62]. Можно сказать, что образ мученика всегда сообщает мобилизационную силу в борьбе с «темными силами», в чем бы она ни выражалась. Переход виктимности в апологию насилия прекрасно описывается концептом «рикошетного насилия» британского антрополога Мориса Блоха: перед тем как обратиться к насилию вовне, община должна испытать его на себе, как бы «зачерпнув» его из измерения сакрального [63]. Юргенсмейер также пишет о том, что именно «война является контекстом жертвоприношения» [64, 65]. Именно поэтому дискурс виктимности в реальных войнах (в Чечне, на Донбассе и т. д.) или «информационной войны против Церкви» сопровождается апологией насилия и апелляциями к милитантным образам воинов-правителей и ревнителей веры.

Попробуем ответить еще на один вопрос: каким образом в цитированном выше тексте в ряды борцов со злом затесались святые, которые злу *не противились*, – князья Борис и Глеб. Русский мыслитель Георгий Федотов отмечал, что «...чин “страстотерпцев” – самый парадоксальный чин русских святых» [66], и парадокс его заключается в том, что «святые “непротивленцы” по смерти становятся во главе небесных сил, обороняющих землю русскую от врагов» [66 с. 51]. Здесь опять-таки будет уместно обратиться к идее «рикошетного насилия»: виктимное внутреннее насилие в их культе перекодируется в активное, направленное вовне. Именно поэтому, собственно, Холмогоров ставит Бориса и Глеба в один ряд с такими милитантными святыми, как Александр Невский и Арсений Павлов. В статье под названием «Путин и агиополитика» он пишет об этом прямо:

В их лице были канонизированы не только личности, но и молодое Русское государство и его княжеская династия. Лежавшему в основе Руси политическому принципу было придано небесное измерение. А сами Борис и Глеб и в обителях небесных остались отнюдь не бессильными и слабыми. Напротив, они превратились в грозное «секретное оружие» русских ратей. Они являются на поле победы Рюрика Ростиславича над половецким ханом Кончаком, их

видит плывущих в ладье старейшина Пелгусий перед победоносной Невской битвой, их призывает себе на помощь Иван Грозный перед Казанским походом и вновь они являются, чтобы защитить Москву в 1571 году от набега крымского хана» [67].

Изобретенный публицистом концепт «агиополитики» [68, 69] недвусмысленно эксплицирует то, что остается скрытым у других авторов: персонификации вписаны в политику, будь то государственную или внутрицерковную, в роли примеров для подражания, и в качестве источников авторитета им нередко отдается преимущество перед другими.

Приведем напоследок еще один яркий пример, связанный со специфической интерпретацией образа святого, казалось бы, далекого от какого-либо насилия. Речь идет о прп. Серафиме Саровском, известном, с одной стороны, своей фразой «стяжи дух мирен – и тысячи вокруг тебя спасутся», очевидно предполагающей отказ от насилия, а с другой – в 2000-е годы вдруг ставшем небесным покровителем ядерного оружия [70]. Хотя изначально подобная перемена была связана с простым совпадением – с 1946 г. Саров (или Кремлев) был ядерным центром, – потом возникли и богословские объяснения: слова из акафиста преподобному «ты наш щит и заступление» стали трактоваться в смысле «ядерного щита», а само значение его имени в переводе с иврита («пламенный» во мн. ч.) как атрибут атомной бомбы [71]. Поэтому несмотря на то, что в житиях многих святых трудно найти какие-либо насильственные ресурсы, в милитантную картину мира может быть встроен почти любой личный образ.

* * *

В данной статье мы затронули множество различных «полей битв», будь то настоящие войны, конфликты в обществе из-за «оскорбленных чувств верующих», борьба за или против строительства храмов, показа фильмов и т. д. В дискурсе православных националистов и других, более маргинальных и радикальных групп, все эти явления встраиваются в общую картину мира как «космической войны», в которой необходимо так или иначе принимать участие. Во всех этих конфликтах святые, а точнее – дистиллированные из их образов легитимирующие смыслы – играют для православных немалую роль и иногда даже становятся единственным источником авторитета, автономным от любых формальных предписаний. С этим связан и отмеченный нами в самом начале статьи феномен *генеалогий* – когда один личный образ отсылает к другому и треть-

му: так, Николай Мирликийский отсылает к пророку Илии (далее только Господь Бог), Дмитрий Донской – к Сергию Радонежскому и его воинам – Пересвету и Ослябе, Сталина сравнивают с Александром Невским, Иосиф Волоцкий цитирует Иоанна Златоуста, а подвиг Моторолы уподобляется подвигам Евгения Родионова, Александра Невского и Бориса и Глеба. Подобных генеалогий, разумеется, можно привести больше, но сам принцип использования образом святых как источника авторитета в плане милитантной картины мира и легитимации насилия не меняется.

Далее, мы увидели, что один образ может выступать в различных вариациях в зависимости от характера группы, которая к нему обращается: соответственно он может либо смягчаться – как в случае Иосифа Волоцкого, либо предельно ужесточаться, как в случаях Бориса и Глеба или Серафима Саровского. Наконец, существование в православной традиции объективно милитантных личных образов, с одной стороны, подпитывает ее определение ситуации как «космической войны», а с другой – само зависит от актуальных настроений. Речь идет, таким образом, не о причинно-следственной связи в ту или иную сторону, а о *корреляции*, которая образует рекурсивный, замкнутый на себе механизм. Поскольку до сих пор ученые мало учитывали роль персонификаций в оформлении милитантных картины мира и легитимации насилия, отдавая предпочтение, например, священным текстам, харизматическим лидерам либо распределению сакрального пространства, его анализ в перспективе может позволить лучше понять сам принцип действия религиозного насилия. В связи с этим перед нами открывается обширное поле для дальнейших исследований.

Библиография/References

1. *Переслегин В., прот.* Может ли верующий православный христианин говорить: «Св. Николай не ударял в ланиту Ария?» // Антимодерн. URL: https://antimodern.wordpress.com/2011/05/23/st_nicholas-3/ (Дата обращения: 2.12.2018). [Can an Orthodox Christian say, “St. Nicholas did not slap Arius in the face?”]
2. *Бугаевский А.В.* «Обратясь к византийским истокам...»: опыт агиографической реконструкции // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 4. С. 170–186. [“Turning to the Byzantine Sources...”: and Experience in Hagiographic Reconstruction]
3. *Дмитрий Ростовский, свт.* Жития святых: В 12 кн. М.: Синодальная типография, 1993. [Lives of the Saints]

4. Обращение ко всему Православному Миру! Христианин Александр Калинин // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AiQMKYKz-rbQ> (Дата обращения: 15.12.2018) [An Appeal to the Entire Christian World! Christian Alexander Kalinin]
5. Зыгмонт А.И. «Христианское государство: обманчивая тень православного халифата» // Политическое богословие / под ред. А. Бодрова, М. Толстолюбенко. М.: ББИ, 2019. С. 77–91. [“The Christian State”: Deceptive Shadow of an Orthodox Caliphate]
6. Гудков Л. Идеологема «врага»: «враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции. М.: ОГИ, 2005. С. 7–79. [Ideology of the “Enemy”: “Enemies” as the Mass Syndrome and the Mechanism of the Sociocultural Integration]
7. Семенов-Басин И. Святость в русской православной культуре 20 в. История персонификации. М.: РГГУ, 2010. [Holiness in the Russian Orthodox Culture in the 20th Century, Personification History]
8. Верховский А. Идејная эволюция русского национализма: 1990-е и 2000-е годы // Верхи и низы русского национализма. М.: Центр «Сова», 2007. С. 6–32. [Ideological Evolution of the Russian Nationalism: the 1990s and 2000s]
9. Верховский А. Политическое православие: русские православные националисты и фундаменталисты, 1995–2001 гг. М.: Центр «Сова», 2003. [Political Orthodoxy: Russian Orthodox Nationalists and Fundamentalists]
10. Тарабукина А.В. Мировоззрение «церковных людей» в массовой церковной литературе рубежа XIX–XX вв. // Традиция в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 191–230. [“People of the Church’s” Worldview in the Popular Church Literature of the XIXth–XXth Centuries]
11. Ахметова М.В. Конец света в одной отдельно взятой стране. М.: ОГИ: РГГУ, 2010. [The End of the World in a Particular Country]
12. Левкиевская Е.Е. Современная прихрамовая среда как конфликтное поле: языковые и культурные формы выражения конфликта // Конфликт в языке и коммуникации: Материалы конференции. М.: РГГУ. 2011. С. 409–424. [Contemporary Parish Milieu as a Conflict Field: Language and Cultural Forms of Conflict of Expressing the Conflict]
13. Knorre, B. (2016) “The Culture of War and Militarization within Political Orthodoxy in the Post-soviet Region”, *Transcultural Studies*, 12:15-38.
14. Зыгмонт А.И. Проблематика насилия в Русской православной церкви в постсоветский период // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 117–145. [The Concept of Violence in the Russian Orthodox Discourse in the Post-Soviet Period]
15. Чапнин С. Православие в публичном пространстве: война и насилие, герои и святые // Политическое богословие / Под ред. А. Бодрова, М. Толстолюбенко. М.: ББИ, 2019. С. 40–51. [Orthodoxy in the Public Space: War and Violence, Heroes and Saints]

16. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. [Negative Identity. Articles of 1997–2007]
17. Erikson, E. (1968) *Identity, youth and crisis*. NY: W.W. Norton Company.
18. Juergensmeyer, M. (2003) *Terror in the Mind of God: the Global Rise of Religious Violence*. California: University of California Press.
19. Juergensmeyer, M. (2008) *Global Rebellion. Religious Challenges to the Secular State, from Christian Militias to al Qaeda*. California: University of California Press.
20. Aslan, R. (2009) *How to Win a Cosmic War*. NY: Random House.
21. Имя России. Исторический выбор 2008. Результаты интернет-голосования. URL: <http://www.nameofrussia.ru/rating.html> (Дата обращения: 01.10.2018) [The Name of Russia. Results of the Internet Vote]
22. Князев С. За что западники поливают грязью Александра Невского? URL: <http://kolokolrussia.ru/duh-istorii/za-chto-zapadniki-polivaut-gryazu-aleksandra-nevskogo> (Дата обращения: 05.11.2018) [Why the Westerners Throw Mud at Alexander Nevsky]
23. Бидолах В. Александр Невский – неодолимая преграда папизма и «колбасного рая». URL: <https://newsland.com/community/politic/content/aleksandr-nevskii-neodolimaia-pregrada-papizma-i-kolbasnogo-raia/1705410> (Дата обращения: 5.11.2018) [Alexander Nevsky is an Insurmountable Obstacle to Papism and “Sausage Paradise”]
24. Белоусов К. Современное измерение подвига святого Александра Невского. URL: <https://pmd74.ru/pub/sovremennoe-izmerenie-podviga-svyatogo-aleksandra-nevskogo.html> (Дата обращения: 19.01.2019) [The Contemporary Dimension of St. Alexander Nevsky's Feat]
25. 5 апреля 1242 года Александр Невский отказался вступать в Евросоюз. URL: <https://cher.all-rf.com/news/2018/04/05/35/5-aprelya-1242-goda-aleksandr-nevskij-otkazalsya-vstupat-v-evrosoyuz> (Дата обращения: 19.01.2019) [On April 5, 1242, Alexander Nevsky Refused to Join the European Union]
26. Кравец О. Святой благоверный князь Александр Невский теперь защищает Одессу. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/dekabr/13/svyatoj_blagovernij_knyaz_aleksandr_nevskij_teper_zawiwaet_odessu/ (Дата обращения: 19.01.2019) [The St. Prince Alexander Nevsky Now Protects Odessa]
27. Протоиерей Всеволод Чаплин: мы должны защищать святыни, веру и Отечество // Радонеж. URL: <http://www.mosadvent.ru/news/1642-2012-05-10-19-20-24?catid=62%3Anewsworld> (Дата обращения: 17.11.2018) [Archpriest Vsevolod Chaplin: We Must Protect Holy Things, Faith and Fatherland]
28. Хохлев В. Святое насилие Александра Невского. URL: <http://www.nvspb.ru/stories/svyatое-nasilie-aleksandra-nevskogo-50050/?version=print> lbato-va@gmail.com (Дата обращения: 19.01.2019) [Alexander Nevsky's Holy Violence]

29. Православие в законе – фильм Михаила Баранова (монаха Григория), полная версия // Портал-Credo.ru. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=106743&cf=> (Дата обращения: 20.01.2019) [Orthodoxy in Law – the Film by Mikhail Baranov (Monk Gregory), the Full Version]
30. «У православных людей есть полное право взять меч и наказать врага». URL: https://www.znak.com/2017-09-13/avtor_pisem_s_ugrozami_kinoprokatchikam_iz_zh_pokaza_matildy_obrushilsya_na_medinskogo (Дата обращения: 2.11.2018) ["The Orthodox People Gave the Right to Take the Sword and Punish the Enemy"]
31. Мы хотим Бога. URL: <http://www.vz.ru/society/2013/5/15/632592.html> (Дата обращения: 12.12.2018) [We Want God]
32. «Православная страна должна быть такой, как Иран». Лидер «Христианского государства» Александр Калинин – о своей организации и о том, как эвакуации по всей России связаны с «Матильдой». URL: <https://meduza.io/feature/2017/09/14/pravoslavnaya-strana-dolzha-byt-takoy-kak-iran> (Дата обращения: 2.12.2018) ["The Orthodox Country Should be Like Iran". Alexander Kalinin, the Leader of the "Christian State", on his Organization and How Evacuations All Over Russia are Linked to Matilda]
33. Кнорре Б.К. Движение за канонизацию Ивана Грозного и православно-монархический цезаризм // Религия и российское многообразие / Под ред. С.Б. Филатова. М.; СПб.: Летний сад, 2011. С. 503–528. [The Movement for Canonization of Ivan the Terrible and Orthodox Monarchical Caesarism]
34. Беглов А. «Николаевцы» Поволжья и генезис идей «русской теократии». URL: <http://ustav.livejournal.com/825705.html?thread=17165161> (Дата обращения: 13.09.2018) ["Nicholaeans" of the Volga Region and the Genesis of "Russian Theocracy" Ideas]
35. Иоанн (Снычев), митр. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. М.: Институт русской цивилизации 1995 [Autocracy of the Spirit: Essays on Russian Self-Consciousness]
36. Симонович-Никшич Л.Д. Страсти по Иоанну. URL: <http://portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=2298> (Дата обращения: 14.11.2018) [Passion According to John]
37. Елисеев А. Опричная эсхатология Грозного Царя. URL: <http://rossia3.ru/ideolog/nashi/opricheshatolog> (Дата обращения: 13.09.2018) [Oprichnina's Eschatology of the Terrible Tsar]
38. Яшин С. Орден. URL: <http://calvaryguard.com/ru/kanz/hist/ink2/opr1/> (Дата обращения: 10.05.2018) [The Order]
39. Позжидавев И. Органическая взаимосвязь Сталина и православия, или Сталина – к лику святых! URL: http://ruskline.ru/special_opinion/2016/08/organicheskaya_vzaimosvyaz_stalina_i_pravoslaviya_ili_stalina_k_liku_svyatyh/ (Дата обращения: 11.09.2017) [The Natural Linkage of Stalin and Orthodoxy, or Stalin to the Ranks of Saints!]

40. Сталина предложили причислить к лику святых. URL: <https://lenta.ru/news/2015/06/18/stalin/> (Дата обращения: 11.09.2017) [Stalin is Wanted to be Canonized]
41. Леонид Ивашов: «Начиная с осени 1941 года, Сталин по ночам молился в храмах». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/345310> (Дата обращения: 17.10.2018) [Leonid Ivashov: "From the Fall of 1941, Stalin Prayed in Churches at Night"]
42. Русская катакомбная Церковь истинных православных христиан. URL: http://vera-istina.blogspot.ru/2010/06/blog-post_12.html (Дата обращения: 27.12.2018) [The Russian Catacomb Church of the True Orthodox]
43. Бычков Р., иерей. Иван Грозный и Адольф Гитлер. URL: <http://www.center-rne.org/forums/showthread.php?t=1566> (Дата обращения: 27.12.2018) [Ivan the Terrible and Adolf Hitler]
44. Форум миссионерского портала диакона Андрея Кураева. URL: <http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=571399.0> (Дата обращения: 19.10.2018) [Forum of Deacon Andrei Kuraev's Mission Portal]
45. Крестonosцы. Православные патрули вышли в московские сумерки. URL: <http://lenta.ru/articles/2012/08/22/patrul/> (Дата обращения: 21.12.2018) [The Crusaders. Orthodox Patrols Went to the Moscow Twilight]
46. Игумен Сергей Рыбко призвал прихожан бить хулиганов. URL: <http://grani.ru/Society/Religion/m.207246.html> (Дата обращения: 20.06.2016) [Hegumen Sergiy Rybko Called on Parishioners to Beat Hooligans].
47. Иосиф Волоцкий, прп. Просветитель. URL: http://ruskline.ru/special_opinion/2016/08/organicheskaya_vzaimosvyaz_stalina_i_pravoslaviya_ili_stalina_k_liku_svyatyh/ (Дата обращения: 30.11.2017) [The Enlightener]
48. Московский Патриархат. Белорусская Православная Церковь. Информационно-консультативный Центр им. преп. Иосифа, игумена Волоцкого. URL: <http://www.sobor.by/center.php> (Дата обращения: 23.10.2018) [Belarusian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate. Information and Advisory Center of St. Hegumen Joseph Volotsky]
49. Братство св. прп. Иосифа Волоцкого. URL: <http://oprichnoebratstvo.narod.ru/> (Дата обращения: 30.11.2017) [The Brotherhood of St. Joseph Volotsky]
50. Бычков Р., иерей. Иоанн Грозный: «Ренессансный святой». URL: <http://iosif-volotsky.livejournal.com/99833.html#cutid1> (Дата обращения: 30.01.2018) [Ivan the Terrible "The Saint of the Renaissance"]
51. Черная Сотня. Форум. URL: <http://www.sotnia.ru/forum/viewtopic.php?t=4634> (Дата обращения: 17.01.2019) [The Black Hundred. Forum]
52. Ткаченко А. «Освяти руку ударом». Почему Иоанн Златоуст призывал бить богохульников? URL: <http://foma.ru/osvyati-ruku-udarom.html> (Дата обращения: 15.11.2018) ["Blessed be the Striking Hand": Why John Chrysostom called to Fight the Blasphemers?]

53. *Переслегин В., прот.* Он выбирает Крест // Новый мученик за Христа воин Евгений. М.: Хронос-пресс, 2007. С. 52–53. [He Chooses the Cross]
54. *Шаргунов А., прот.* Постигнуть тайну Креста Христова // Новый мученик за Христа воин Евгений. М.: Хронос-пресс, 2007. С. 54–56. [“Comprehending the Mystery of the Cross of Christ”, in *New martyr for Christ Eugeny the Warrior*]
55. Воин Евгений Родионов как символ героизма и святости для современной России. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SY9rGgE9VTU> (Дата обращения: 10.12.2018) [Warrior Yevgeny Rodionov as a Symbol of Heroism and Santity for Contemporary Russia]
56. *Тарло Е.* Подвиг Евгения Родионова – опора для нашей страны. URL: <http://www.egtarlo.ru/fakti/podvig-evgeniya-rodionova-opora-dlya-nashej-strany-evgenij-tarlo/> (Дата обращения: 10.12.2018) [The Feat of Yevgeny Rodionov is our Country's Pillar]
57. *Шаргунов А., прот.* О верности Кресту Христову. К 15-летию со дня убийства воина Евгения Родионова. URL: <http://www.pravoslavie.ru/46670.html> (Дата обращения: 10.12.2018) [On the Loyalty to the Cross of Christ]
58. Осторожно! Провокация! URL: <https://likorg.ru/post/ostorozhno-provokaciya> (Дата обращения: 12.12.2018) [Provocation Alert!]
59. *Холмогоров Е.* На гибель героя. URL: <http://www.amdn.news/ie-kholmogorov-na-ghibliel-ghieroia> (Дата обращения: 12.12.2018) [On the Hero's Death]
60. Naveh, E. (1992) *Crown of Thorns: Political Martyrdom in America from Abraham Lincoln to Martin Luther King Jr.* New York University Press.
61. Schechter, R. (2014) “Terror, Vengeance, and Martyrdom in the French Revolution”, in Janes, D. and Houen, A. (eds.) *Martyrdom and Terrorism: Pre-Modern to Contemporary Perspectives*, p. 152-178. Oxford University Press.
62. Strenski, I. (2002) *Contesting Sacrifice: Religion, Nationalism, and Social Thought in France.* The University of Chicago Press.
63. Bloch, M. (1992) *Prey into Hunter.* The Politics of Religious Experience. Cambridge University Press.
64. Juergensmeyer, M. (2003) *Terror in the Mind of God: the Global Rise of Religious Violence.* California: University of California Press.
65. Juergensmeyer, M. (2008) “Martyrdom and Self-Sacrifice in a Time of War”, *Social Research*, 75(2): 417-434.
66. *Федотов Г.* Святые древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. [Saints of Ancient Rus]
67. *Холмогоров Е.* Путин и агиополитика. URL: <http://www.rus-obr.ru/ru-club/3230> (Дата обращения: 13.12.2018) [Putin and Hagiopolitics]
68. *Холмогоров Е.* Бог как субъект истории. URL: <http://novchronic.ru/4496.htm> (Дата обращения: 7.08.2018) [God as the Subject of History]
69. *Холмогоров Е.* Царь былого и грядущего. Николай II и русская агиополитика. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=449156&soch=1> (Дата обраще-

ния: 7.08.2018) [The Tsar of the Past and the Future. Nicholas II and Russian Hagiopolitics]

70. В Храме Христа Спасителя начались торжества по случаю 60-летия со дня основания оружейного комплекса России. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/290617.html> (Дата обращения: 7.08.2018) [The Celebration of the 60th Anniversary of the Establishment of the Russian Weapons Complex Began in the Cathedral of Christ the Savior]
71. Сладков Д. Серафим – значит «Пламенный». URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2003/08/06/serafim_-_znachit_plamennyj/ (Дата обращения: 17.01.2019) [Seraphim Means “the Flaming One”]

Информация об авторах

Алексей И. Зыгмонт, кандидат философских наук, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Санкт-Петербург, Россия; Россия, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; alekseizygmont@gmail.com

Борис К. Кнорре, кандидат философских наук, доцент, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия; Россия, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4; knorre@yandex.ru

Information about the authors

Aleksei I. Zygmont, Cand. of Sci (Philosophy), Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, St. Petersburg, Russia; bld. 25/14, 7th Krasnoarmey-skaya st., St. Petersburg, Russia; alekseizygmont@gmail.com

Boris K. Knorre, Cand. of Sci (Philosophy), associate professor, National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia; bld. 21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, Russia; knorre@yandex.ru